

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантаста»

КАРИНА ДЕМИНА

НЕКРОМАНТЫ
И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Карина Демина
Некроманты и все-все-все
Серия «Идеальное фэнтези.
Романы Карины Деминой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73835643
ISBN 978-5-17-184976-4

Аннотация

Порой даже некроманты вынуждены решать житейские проблемы. Магистр некромантии Елена разгребает последствия проказ студентов и их подотчётной нежити. Грозный воин-некромант Гремислав после долгих лет сражений с нечистью решает обратиться за помощью психиатра. А последний представитель славного дворянского рода Раймонд XIII отправляется в иной мир на поиски невесты. Три захватывающие истории на стыке миров.

Содержание

Странные люди	6
Часть 1. Знакомство	7
Часть 2. О сложностях преподавательской работы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Карина Демина

Некроманты и все-все-все

Иллюстрация на обложке – Vatori (Анна Дзюкова)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© К. Демина, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Странные люди

Часть 1. Знакомство

– Маньяк, – пробормотала Елена, когда в белой мути тумана вырисовался силуэт.

Потом подумала, что по такой погоде только маньякам и бродить. Хотя она и сама-то недалеко ушла.

Можно было бы остаться на кафедре, соврав поутру, что снова заработалась. И ей бы поверили. Ну или хотя бы сделали вид, что верят. Или напроситься к Катюхе. Она бы не отказала, даже обрадовалась бы. На радостях достала бы бутылку своей фирменной настойки, и вечер прошел бы вполне себе мирно под рюмочку и Катюхины напрочь непрофессиональные жалобы на личную жизнь, которая в отличие от паззлов никак не складывалась. А потом и Елена поддержала бы беседу...

Но нет же, поперлась.

На последнюю электричку. А потом через лес. В оправдание свое можно было бы сказать, что в городе тумана не было, да и в целом погода стояла вполне себе вменяемая. Лес был знаком, дорога – хожена и перехожена.

А маньяк... маньяки, если подумать, дело житейское.

Туман стал гуще, а силуэт – крупнее. И выше.

Елена покрепче перехватила сумочку, пытаюсь понять, что в ней есть такого, чем можно бы от маньяка отбиться. Косметичка? Конспекты лекций? Личный журнал посеще-

ний с отработками? Альбомы? Четвертушка хлеба «Бородинского»?

Или вот «Шпроты в масле». Консервы были увесистыми, можно в голову кинуть, а потом еще и хлебом сверху... Вдруг голодный? Он на шпроты с хлебом отвлечется, а Елена сбежит. Правда, сколь ни парадоксально, консервы было жаль. Она сама с обеда не жрамши, если так-то.

Меж тем силуэт окончательно приблизился и возопил тонким срывающимся голосом:

– Елена Петровна! Я точно все знаю!

Чтоб тебя. Елена даже выдох сдержала.

– Лялечкин! – Вопль ее, полный возмущения, мог бы распугать всех окрестных маньяков. – Что ты тут делаешь?

– Ну... – выступивший из тумана Лялечкин сгорбился, – за вами иду!

– И давно?

Она огляделась. Станция осталась далеко позади, как и лес. Впереди сквозь пелену тумана просвечивали редкие огоньки, стало быть, до садового товарищества и дома рукой подать.

– Давно, – признался Лялечкин. – Я просто хотел поговорить... о передаче. И ждал. А вы вышли и так быстро... – Ну да, на кафедре опять задержали, и Елена опасалась, что не успеет на электричку. – И я хотел... хотел...

– Но перехотел.

– А потом вы на электричку.

– И ты?

– И я... А вы тут тоже живете, да? Давайте я сумку понесу!

– Лялечкин!

– Да я ж так, без дурных мыслей.

Не хватало еще, чтоб с мыслями. Хотя... Елена поглядела на растрепанного Лялечкина, переминавшегося с ноги на ногу, и подумала, что из него как раз неплохой маньяк выйдет. А что? Вид наивный. Волосы светлые пухом одуванчиковым, глаза голубые огромные, смотрит с тоской... как такого заподозришь?

Классический маньяк.

– Назад-то как поедешь?

Сумку Елена не отдала. Маньяк или нет, но долгов за Лялечкиным за две недели практики набралось изрядно. С него станет ускоряться в туман с заветной тетрадь, в которой эти самые долги отмечены. За двадцать пять лет педагогического стажа Елена четко усвоила, что доверять студентам нельзя. Они, если так-то, порой страшнее всяких маньяков. Да и встречаются последние куда реже завязанных должников.

– Никак. – Лялечкин выдал виноватую улыбку. – Я живу тут... недалеко...

– Неужели? Ты ж в общежитии был?

– Был, – плечи Лялечкина поникли, – но там... атмосфера нетворческая.

– В смысле?

– Ну... у меня характера нет, – он слегка замялся и по-

ник, – и вообще...

– А тут у тебя характер появляется?

– Тут дядя! Приехать должен... был... – Оглядевшись по сторонам, Лялечкин добавил с уверенностью: – И приехал!

– Откуда?

– Из Караганды...

– Далеко, – прикинула Елена и сумку перехватила.

Сразу вспомнилось, что у нее с собой лабораторные тетради третьей группы, листочки с самостоятельной первокурсников и их же альбомы. И если отбиваться, надо было в целом сумкой. А она...

– Давайте понесу, она ж тяжелая. – Лялечкин протянул руку. – Меня попросили дяде помогать...

– В чем?

– Во всем... – Он тяжело вздохнул.

Дорога, спускавшаяся за лесом, теперь поднималась, идти было тяжеловато, и Елена, подумав, сумку все же отдала.

Если бы не альбомы... Вот какого их потащила? Проверила бы на кафедре завтра. Это все Мизигин со своими претензиями нервы вытрепал, вот она и сунула все разом, не разбираясь. А завтра назад волоочь...

– Что-то ты не рад, – заметила Елена, пытаясь отвлечься от мыслей от Мизигине, который определенно задался целью Елену с кафедры выжить. Именно поэтому и всучил ей летнюю практику, да еще с группами по обмену, чтоб их всех... И Мизигина в первую очередь.

– Рад, но... Понимаете, у дяди характер очень сложный, – признался Лялечкин.

И собирался добавить еще что-то, но тут белесая стена тумана пришла в движение, а откуда-то со стороны леса раздался утробный вой, полный тоски и какой-то невыразимой душевной муки. Елена даже заморгала, потому что тоска оказалась заразной, а может, просто день такой... и в целом-то жизнь. И мысли пошли о никчемности этой жизни, и она остановилась, пораженная откровением: если так, то... зачем?

– Елена Петровна! – Очнулась она оттого, что кто-то дернул за руку. – Елена Петровна...

Лялечкин. Вот же... даже пострадать толком не дадут.

Вой стих, туман рассеялся, а Елена Петровна обнаружила себя стоящей у ворот. Как?

– Спасибо. – Она забрала у Лялечкина ношу.

Сейчас почему-то как никогда хотелось, чтобы он утащил эту сумку с тетрадью должников, альбомами и лабораторными, после которых заветный список пополнится, а Мизигин снова заговорит о профессиональной некомпетентности...

В голове шумело. Но было... плевать.

Пожалуй.

– Вам чаю надо сладкого выпить. И вы же закроетесь, да? И в лес не пойдете? Ночью-то зачем? А завтра вы к первой паре? И мне тоже. Я зайду. Провожу... – Лялечкин суетился, и это тоже было странно.

– Зачем?

– Мало ли... Вдруг маньяк какой.

Действительно.

Магистр некромантии Елизар Добрынинов стоял, опираясь на слегка покосившийся забор, и думал, как вышло, что он оказался в этой дыре.

Студенты. Он всегда знал, что от студентов одни проблемы. И что созданы они исключительно с одной целью – отравлять его, Елизара, жизнь.

Как можно было?!

Простейшая лабораторная. Пятый курс. Почти выпускники, а они... Мало того, что упустили хлызня, так еще вблизи открытого портала! В момент, когда портал работал. Тянуло постучать головой о стену.

Что первый курс, который как раз уходил на практику, хлызня не заметил, это ладно – нечисть коварная, хитрая. А спрашивать, куда смотрел Евдокименко, вовсе смысла нет, тот и близко не некромант. Так, общей практики с уклоном на порталную. Он и на Елизара смотрел так же, как на всех: с легким недоумением и усталостью.

«Я, – заявил, – студентами заниматься поставлен и практику контролировать, а не всякую там нечисть. Хлызень ваш – вы и ищите».

И ученый совет радостно подхватил эту расчудесную идею. Тотчас выяснилось, что у Ватутина срочное дело в сто-

лице, Пехаров в отпуск собрался, и не в соседний мир, а Невьятовский испытывает к параллельным мирам глубокое внутреннее отвращение. И аллергию.

– И вообще, – сказали Елизару. – Группа ваша, вы контролировать должны были. Следовательно, вам и разбираться.

А ректор хмуро добавил, что разобратся надо бы побыстрее, поскольку у него через неделю совещание в комиссии по бюджету. И что желающих на этот бюджет полно, а потому финансирование на будущий год всецело от расторопности Елизара зависит. Ну и от секретности, если с расторопностью не получится.

Скандал университету не нужен, а вот хлызень подотчетный – очень даже и желательно в не сильно поврежденном виде. Но тут уж, так и быть, они не настаивают.

– Вы не переживайте, – портал открывал тот же Евдокименко, – база у нас старая, дом хороший. И с адаптацией на первых порах помогут. Ваш же студент, как его... Лялечкин. Хоть и первый курс, но мальчик старательный. Стипендиат.

Еще тогда подумалось, что на диво странная фамилия для некроманта. Ну да мало ли, раз стипендиат, стало быть, есть за что.

Переход отозвался тошнотой и головокружением. С первым Елизар справился быстро, а второе обернулось долгой муторной болью в затылке. Впрочем, магистру ли некромантии обращать внимание на такие мелочи. Оттащив сумки в сторону – не хватало, чтоб на обратной тяге в подпростран-

ство засосало, – Елизар выбрался из подвала, вдохнул сырой пахнувший хвоей воздух и выругался.

Матом.

Попал... Как есть попал.

Он прошелся по дому, который был невелик и явно приходил в запустение. Паутина по углам не слишком пугала, но скрипящие доски пола крепко действовали на нервы. Под полом, нисколько не стесняясь магистра некромантии, шуршали мыши, черная крупа помета виднелась и у стен.

– Чтоб вас всех, – сказал Елизар, уже понимая, что уборкой порталисты себя не утруждали.

Не наблюдалось в доме и дежурных, которые полагались согласно внутренним протоколам. Или опять финансирование урезали да ставки оптимизировали?

Скорее всего, так и есть. Повесили дежурство на студентов, а те... Додумать Елизар не успел, поскольку наткнулся-таки на след. След был старым – четыре широкие царапины на подоконнике, зато теперь ясно, что ошибки нет. Хлызень в этом мире.

Вот зараза. И что дальше-то?

Елизар выбрался во двор и огляделся.

Слева дома. Справа... поселение? Кажется, сезонное... Справку о мире ему выдали, но была та какой-то на диво расплывчатой. Дома невысокие, в один этаж. Единственное двухэтажное строение выделялось не только размерами, но и окружающим его высоким забором. Елизар оценил и забор,

и крышу... нет, туда хлызень не сунется. Во всяком случае поначалу. Поищет что-то попроще, вроде тех вон домишек грязного вида. А то и вовсе постарается заброшенное здание найти.

Надо будет походить по округе. И кладбища проверить. Тварь-то сильная, но на цепи сидела долго, переход опять же... Может, в естественной среде обитания хлызни мертвечиной и брезгают, но конкретно этому не до изысков. Может...

Елизар коснулся забора и выпустил силу. Поморщился – мир был безмагическим, и сила расползалась тяжело, меняя физическую составляющую. Где-то на краю поселения залаляли собаки, но почти сразу смолкли.

Чуют? Звери всегда чувствуют.

А сила растекалась, прощупывая следы... И хлызня был обнаружен у забора, от которого и повел дальше, к дороге. Ну хоть кровью свежей не тянет. И смертей недавних не было...

Хотя это он поторопился. Смерти были, и весьма... долгие? Мучительные? Сила откликнулась на них новым всплеском, и изменившаяся структура мира породила туман. И головная боль разрасталась. Но перед тем, как оборвать заклятье, Елизар явственно ощутил след хлызня.

Отлично. Он шмыгнул носом, привычно приложил платок, запирая кровь. Услышав далекий печальный вой нежити, вздохнул.

Хрен им, а не зачет по практике. Всех на пересдачу...

– Вы извините... – Лялечкин походил на некроманта еще меньше, чем порталист Евдокименко.

Ну какой некромант наденет светлую футболку со светлыми же штанами? Не то чтобы нельзя, скорее уж неразумно.

Сам Елизар давно и привычно носил одеяния темные, на которых не так заметны кровь, слизь и прочие случавшиеся в жизни некроманта недоразумения.

– Я с Еленой Петровной поговорить хотел, вот и задержался. А она еще на электричку пошла. Давайте я вам чаю сделаю. И бутерброд. Будете?

– Буду. – Голова болела муторно и явно надолго, и потому спорить Елизар не стал.

Как и мешать суетливому студенту, который усадил некроманта в разваливающееся кресло, а сам занялся готовкой.

– Так вот... А там темно. И лес. Еще и туман... Это из-за вас?

– Заблудились?

– Нет, тут дорога одна, захочешь – не ошибешься. – Перед Елизаром встала огромная кружка с тремя бумажными пакетиками в ней. – Извините, тут что осталось... – Паренек смутился.

– Дежурные где?

– Так еще когда отменили! Вроде как нерационально. От

города далеко, а там договорились об общежитии для студентов. – Общежитие Елизару было без нужды. – Сюда редко кто заглядывает. Но я бы остался, если не помешаю... Мне сказали, что нужно вас... сопровождать. Помочь... приспособиться.

Тарелка с парой кусков белого хлеба. Кажется, масло. И тонюсенькие ломтики сыра. Причем сам Лялечкин, глянув на это, сглотнул и отвернулся.

– Ужинал? – поинтересовался Елизар.

В доме еды не было. И с собой парень притащил половинку местного хлеба и этот вот ломтик сыра.

– Я как-то... не очень... ем по вечерам.

Врет.

– Садись, – Елизар указал на потертый стул, одна ножка которого была замотана синей лентой, – и рассказывай. Из тебя некромант, как...

Дело даже не в фамилии и не во внешности, которая некромантической силе соответствовала... Да никак не соответствовала, разве что бледность характерная, но и только. Дело скорее в том, что самой этой силы в парне не было.

– Да понимаете... я, вообще-то, живописец, – выдохнул Лялечкин и сжался в комок. – Я по стипендии...

Живописец.

Но метка-то на нем от кафедры некромантии! Что за...

– Поступил. Учился. У меня балл самый высокий... был. – Он совсем поник. – А потом выяснилось, что в этом году

практика в Элизуме будет. Может, слышали?

– Слышал, – согласился Елизар. – И бывать случалось.

Своеобразный мир. Но да, для творцов – идеальный. Поразительное сочетание дикой природы и творений Древних.

– Места всего четыре...

– И все четыре оказались заняты?

Кивок.

– Мне сказали, что я не дотягиваю... по баллам... Нужно было общественную нагрузку, рекомендации... Я же не знал, что нужно. – Елизар тоже не знал, что для прохождения практики нужны рекомендации. – Вот места и не оказалось. А если практику не пройти, то вовсе отчислят.

– И предложили сюда?

– Да. У некромантов всегда недобор. И места свободные. Сказали, какая разница, что рисовать, натура – она и есть натура. Я и согласился.

Потому что испугался отчисления.

– А родители что?

– Я сирота. – Светлые ресницы дрогнули. – Директор приюта помогал... очень. И направил. И я не мог его подвести.

Дерьмо. И главное, не понять, что с этим дарованием делать. Хотя... Вернувшись, Елизар лично разберется. Забродько, декан творцов, кажется, совсем потерял края и понимание ситуации. Ладно, своего ставленника в закрытый мир пропихнуть, это еще можно понять, но не вместо же нормального студента.

– Ешь давай. – Елизар подавил в себе раздражение. – И обратиться надо будет, а то срач тут неистовый.

– Я уберусь!

– Куда ты денешься...

Ночью под окнами не выло, но тоска никуда не делась. Голод и тот отступил, сменившись робкою надеждой, что если так повоюет пару дней, а лучше пару недель, то Елена, глядишь, и изменит свои дурные пищевые привычки, а заодно и похудеет.

Впрочем, сейчас она жевала бутерброд со шпротами исключительно из врожденного упрямства.

Туман отступил, Яндекс предсказывал хорошую погоду.

А лента принесла красивую фоточку Федюни с новой его любовью и пальмами Гоа. Пальмы были стройны, любовь, в отличие от самого Федюни, молода и кругом прекрасна, море на заднем плане намекало, что у кого-то жизнь удалась... и настроение окончательно испоганилось.

А еще альбомы...

Ну кто так рисует-то? И ладно красота, но достоверность! Где достоверность?! А потом будут говорить, что Елена снова придирается! Красная ручка черкала лист за листом, а тоска не отступала.

Будут говорить, что срывает злость. Что из-за развода все. И личной неустроенности. Что от этого у Елены ненависть ко всем молодым и красивым... А что почка на рисунке похожа

на банан, это ерунда, не всем же живописцами быть.

Впрочем, очередной альбом порадовал.

Нет, не так. Елена даже замерла. Неужели...

Она перелистнула страницу. И еще одну... Вот могут же, когда захотят... Главное, не только рисунки, но и подписи верны. И расписаться под такой красотой – одно удовольствие. Бутерброд и тот вкус обрел, а жизнь – пусть и ненадолго – смысл.

Ночью, правда, снился Федюня, он бегал вдоль забора и умолял впустить, клялся, что все осознал и раскаялся. Но Елена почему-то не верила. Может, потому, что взгляд у него был на редкость хитрым. А может, настораживал скальпель, который Федюня прятал за спиной, но как-то так, что Елена все равно его видела. И непустила.

А проснулась совершенно разбитая, без сил, снова почти проспав на электричку, и собираться пришлось впопыхах.

– Здравствуйте, Елена Петровна! – За воротами обнаружился Лялечкин в компании хмурого мужика, который ворота осматривал препристально, даже краску скovyрнул пальчиком, а потом поднес к носу и понюхал.

И только после этого посмотрел на Елену. Тоже хмуро. И даже обвиняюще.

Ну да, потрескалась краска. А что он хотел? Дом старый, еще от отца Елене доставшийся, а потому и уцелевший при разводе, в отличие от квартиры, которая вдруг оказалась собственностью Федюниной маменьки.

– Как спалось? – поинтересовался тип.

– Спасибо, плохо.

– Это мой дядя... четвероюродный.

– Из Караганды, – зачем-то вспомнила Елена.

– Что снилось?

– А вам какое дело? И вообще... Мы опаздываем.

– Я провожу, – сказал дядя из Караганды и руку протянул. – Сумку давай... давай.

Елена и дала. Во-первых, дядя не походил на человека, который с радостным воплем скроется в лесочке, чтобы сжечь журнал отработок. Во-вторых, сегодня сумка казалась еще более тяжелой, чем вчера. В-третьих, времени на споры не оставалось, а без сумки идти выходило быстрее.

Да и... пахло от него приятно. Странно. И смутно знакомо. Едва уловимый запах успокаивал, что, наверное, должно бы подозрения внушать. Но Елена устала, да и электричка опять же...

– Елена, – представилась она, потому что плетущийся позади с тоскливым видом Лялечкин явно не собирался знакомить ее с дядей.

– Елизар, магистр...

– Биологических наук, – подскочил Лялечкин. – Специалист по анатомии...

– Специалист? – Елена прищурилась, и дядя из Караганды нехотя кивнул. – Что ж, рада, что будет кому позаниматься... – Она вдруг поняла, что совершенно не помнит имени

парня.

– Есть сложности? – Елизар обернулся, одарив Лялечкина хмурым взглядом.

– Да как сказать... С одной стороны, его рисунки на редкость точны, даже великолепны... – Мальчишка прямо расцвел от похвалы. – С другой – с его обмороками в анатомичке явно надо что-то делать. Ладно раз или два, это понять можно. Но как он собирается учиться, если от одного вида крови бледнеет?

– Мы над этим поработаем. – Почему-то прозвучало так, что Елена даже усовестилась. – Это дело привычки.

– Совершенно с вами согласна.

На станции былолюдно.

Елена раскланялась с Марьяновной, что спешила на городской рынок с урожаем ранней клубники. И с Петровым, который тоже вез клубнику, а потому поглядывал на Марьяновну хмуро, видя в ней конкурента. Перебросилась парой слов с соседкой. И ответила на приветствие Ангелины, которая прежде-то до нее не снисходила, а тут и поднялась, и подошла даже. Правда, сразу стало понятно, что интересовали Ангелину не дела Елены, но четвероюродный дядя Лялечкина.

– Доброго дня, – промурлыкала она, протянув тонкую руку, украшенную пятеркой звонких браслетов и когтистым маникюром со стразами. – Всегда приятно видеть нового человека в наших краях.

– Доброго. – Елизар хмуро посмотрел на Ангелину, на руку.

И снова на Ангелину. Вздохнул тягостно и, изобразив поклон, руку поцеловал.

Надо же...

Удивилась не только Елена. Ангелина икнула, а потом почему-то побледнела. И руку за спину убрала, должно быть, манерами впечатлившись.

– О! Новые люди! – Светка Воронцова, как всегда, прыскала перед самым прибытием электрички в сопровождении старшего сына и двух чемоданов на колесиках. – Слышали? У нас маньяк завелся! – произнесла с обычным своим энтузиазмом.

– Врут небось, – тотчас отозвалась Марьяновна, Светку недолюбливавшая.

Из-за энтузиазма и еще потому, что клубника у Светки росла крупная и сочная – куда более конкурентоспособная, чем у самой Марьяновны.

– Вчера снова женщина пропала! Из «Светика». Ко мне из полиции приходили, – Светка указала сыну, молчаливому долговязому подростку, на место рядом с собой, – спрашивали, не видела ли чего...

«Светик» – это «Светлый путь», надо полагать. Соседний садовый кооператив.

– Точно! Еще по осени писали, что девчонки эти, – подхватил Петрович, – студентки которые... в лесу заблудились.

Эту историю Елена помнила смутно, поскольку пребывала в стадии активного развода с переездом вкупе, а за консультацией к ней не обращались. Стало быть, тела пропавших не найдены.

– Точно маньяк.

– Какой ужас, – томно произнесла Ангелина, прижимая руку к груди, и почему-то посмотрела на Елизара.

Светка тоже на него посмотрела, но скорее из простого человеческого любопытства, чем из намерения завязать близкое знакомство. Все-таки помимо пятерых отпрысков у Светки и супруг имелся... где-то там. Главное, что вскоре на Елизара смотрели все.

И Лялечкин тихо-тихо произнес:

– Это мой дядя... четвероюродный. Недавно приехал.

К счастью, подошедшая электричка избавила от необходимости продолжать беседу.

Часть 2. О сложностях преподавательской работы

В поезде, который пах железом и людьми, качало и гремело, и грохот этот и качания изрядно мешали сосредоточиться. Еще и слабость то и дело накатывала. Тело, поздно спохватившись, осознало себя в новом мире и теперь спешило приспособиться к нему.

Потому бросало то в жар, то в холод, и зубы ломило. И в целом ощущение было премерзостным. И даже когда Лялечкин приоткрыл окно – и ведь не просил же Елизар, сам догадался, – легче стало ненадолго.

– У вас жар. – Женщина, сидевшая напротив, наклонилась и положила руку на лоб. Потом нахмурилась, но руку не убрала, хотя сила и качнулась к ней. И даже впиталась в кожу – контроль при адаптации тоже страдал. – Горло болит? Насморк?

– Это просто... после перехода.

– Перелета, – поправил Лялечкин. – Дядя плохо переносит дальние поездки.

Руку она убрала, но не побледнела. И платком вытереть не спешила. Странная... Или это контакт с нежитью так сказался?

Забрав сумку и нырнув в нее, женщина чем-то там шебуршала, перекладывая, а потом достала пластинку с розовыми

пилюлями и бутылочку воды.

– Выпейте две, температуру собьет. Но вам не стоило выходить из дома.

Не стоило. Но батон закончился, не говоря уже о сыре, а магазина в поселке нет. И в другое время он бы потерпел, конечно, но не после портала. И с собой не возьмешь – продукты после перехода почему-то обретали на редкость мерзостный вкус. Главное, сами порталышки не могли объяснить почему.

– Пейте! – произнесла женщина и чуть нахмурилась.

Елизар посмотрел на таблетки. И выпил.

Отравить некроманта сложно, а ей всяко приятно. Хотя, конечно, странная. Нормальные люди некромантов сторонятся – вон, та, другая, до сих пор поглядывает настороженно. А ведь тогда Елизар силу контролировал. Почти.

Сила, она все одно просачивается, окутывает кожу. К ней привычка нужна. Или бестолковость врожденная, как у Лялечкина, который рядышком сидит и тощую шею тянет, крутит головой, глаза по сторонам.

Женщина же смотрела не по сторонам, а на Елизара. При чем пристально, слегка хмурясь даже.

– Это действительно после... перелета. Иногда бывает, – поспешил он заверить. – Пройдет скоро. Надо лишь немного потерпеть.

Она неуверенно кивнула и обняла огромную свою сумку. Как только поднимает-то? Сама невысокая, крепенькая и

пухленькая, вся какая-то сдобная, особенно местами. Волосы светлые в косу заплетает, глаза за очками прячет, причем стекла простые, уж в этом Елизар худо-бедно разбирается.

– Наша станция. – Лялечкин поднялся. – Елена Петровна...

Елена... Красивое имя.

Но дело не в имени. Дело в метке. Где и когда эта женщина повстречала хлызня, Елизар не знал. Сама она тоже вряд ли вспомнила бы. Однако тварь приходила к ее дому – на воротах остался яркий след, говорящий, что погань топталась у ворот всю ночь. Наверняка и давила ментально, только женщина устояла.

Как?

– Да, спасибо... – Она запнулась, и Лялечкин, чуть покраснев, сказал:

– Гордей я...

Елизар с трудом удержал лицо. Более неподходящее имя придумать было сложно. И очевидно, что назвали сироту в честь князя, да только... в общем, Лялечкину оставалось посочувствовать: имени он не соответствовал.

– Да-да, – не моргнув и глазом, ответила Елена. – Надо... Послушайте, мне не нравится, как вы выглядите. Вы идете с нами. Вы ведь не боитесь мертвецов?

– Смотря каких. – Сила колобродила, и оттого соображать было весьма непросто.

– Обыкновенных.

– Обыкновенных – не боюсь.

– Хорошо. Отдохнете немного. Если температура спадет, отправитесь по своим делам, а нет – я врача вызову. И не спорьте!

Сил спорить не было, поэтому Елизар просто кивнул. А уже когда толпа вынесла их из поезда, едва не разделив, придержал Лялечкина за руку.

– Присматривай за ней.

– За Еленой Петровной?

Лялечкин руку вырывать не стал, только головой pokrutil.

– Вон она... там.

На вокзале было шумно, дымно и людно. И от этого сила, притихшая было, пришла в движение – толпа ее раздражала, и Елизару приходилось делать усилие, чтобы не допустить всплеска. Благо люди и сами сторонились, обходя некроманта.

– Да. На ней метка хлызня. Значит, вернется...

Вряд ли тварь настолько осмелела, чтобы пойти по следу, скорее уж предпочтет дожидаться ночи.

– Надо ее спасти! – воскликнул Гордей.

– Надо за ней следить. – И радоваться этакой удаче, потому что искать хлызня, если тот решит затаиться, можно до скончания веков. А Елизару очень не хочется застрять в этом мире надолго. – Присматривать, – попытался он донести мысль до Лялечкина. – И спасти, конечно. Просто будь

рядом. И если вдруг что-то не так... доложишь.

Потому что мало ли... Вдруг тварь все же рискнет?

А сейчас, в толпе Елизар ее просто не почувствует. Зато хлызень Елизара – очень даже.

Вид у Лялечкинского родственника был так себе. Он и при первой-то встрече впечатления не произвел, а теперь и вовсе. Бледный, красноглазый, и пот по вискам катится. Короткие волосы дыбом. И цвет странный, серый, словно пылью припорошенный.

Но не в цвете дело. А в том, что дышал новый знакомый сипло.

Ему бы к врачу. А Елене – избавиться от дурной привычки помогать всем и каждому. Вот просили ее? Не просили. А она все равно со своей помощью влезла. И что теперь? А теперь тащит этого непонятного типа в свою заветную комнатку при морге. Нарушая все существующие инструкции и в очередной раз поступаясь здравым смыслом.

В конце-то концов...

Елизар покачнулся и споткнулся, а из носа потянулась тонкая струйка крови.

– Вам врача надо! – Елена представила, что он возьмет сейчас и помрет.

Не то чтобы ее пугали трупы, но... девать-то куда?

– Ерунда, – Елизар перехватил переносицу пальцами, – бывает. Может, я тут посижу? Вы идите.

Не хватало!

– Лялечкин, бери своего дядю...

Елена мысленно прикинула остаток на карте и со вздохом вынуждена была признать: на такси хватит, но дальше придется что-то думать.

Ладно, как-нибудь потом. Придумает.

У Катьки займет, не впервой. И подработку... Стыдно, но те же рефераты... главное, чтоб самой потом их же на проверку не принесли.

Благо такси нашлось сразу. Елизара, побледневшего еще больше, удалось усадить в салон. Нос ему Елена заткнула комком бумажных платков, а он и не сопротивлялся. И потом тоже, когда Елена вела его кружным путем, – не хватало, чтоб кому на глаза попался, особенно Селимову, который явно ее недолюбливает и о любом опоздании доносит начальству, – тоже не сопротивлялся.

А в морге ожил. Прямо так сразу.

Огляделся. И с прищуром... И главное, ни тени брезгливости. А Елена вдруг поняла, чем от него пахло и почему запах этот показался ей таким родным и успокаивающим. Моргом. Правда, не нынешним, а старым, тем, в котором прошло ее детство.

– Спасибо, – произнес Елизар. – Мне, право слово, неловко, что вам пришлось со мной возиться.

Елена толкнула дверь, за которой по плану значилось хозяйственное помещение номер два. Но поскольку для обыч-

ных нужд хватало и первого, Елена заняла второй под свои нужды, и прежний декан ничего-то дурного в том не видел, а нынешний...

– Здесь вы можете отдохнуть. – Она потрогала лоб, убеждаясь, что жар отступил. – Потом, если соберетесь уходить, позвоните.

– Позвонить?

– У дяди нет телефона, – подал голос Лялечкин, маячивший где-то позади. Голос дрожал, и сам Лялечкин был пугающе бледен. – Он...

– Потерялся, – буркнул Елизар. – Я, если вы не против, полежу. Немного. Еще раз извините. Не думал, что настолько... плохо. – Он осторожно опустился на топчан.

– Лялечкин, у тебя первой пары все равно нет, так что присмотри за дядей.

– Спасибо, Елена Петровна.

– Заодно можешь повторить... Если вдруг кто начнет вопросы задавать, говори, что пустила готовиться к практикуму. Или отработку назначила.

И ушла.

Потому что... Просто потому.

Тем более готовиться нужно было не только Лялечкину. Сегодня, как назло, сдвоенная пара у второй группы первокурсников, которые, кажется, задались целью довести Елену до нервного срыва. И главное, нарочно же, поганцы, но...

Елизар проводил женщину взглядом, посмотрел на Лялечкина и сказал:

– Иди. Готовься... Много тут некромантов?

– Только я. Вы... ложитесь.

– Лягу. – Елизар скинул ботинки и со стоном упал на кушетку.

Вытянуться не получилось бы и у Елены, которой, собственно, кушетка и пахла. Таким слабым цветочным ароматом духов. Приятным и отвлекающим.

– А остальные кто?

– Так целители... Должна была быть смешанная группа.

Но почти все некроманты выбрали практику в Такх-рава.

Темный мир. Специфическое местечко, но да, для практики первого курса вполне себе подходящее. Нежити много, но вся мелкая и не особо опасная.

– А ты?

– Так получилось...

У кого именно получилось «так», Елизар выяснит. Когда вернется.

– Расскажи.

– О мире? Технологический. Безмагический, хотя скорее нейтральный...

– Это я и без тебя понял. О женщине.

– Елене Петровне?

– А есть другие?

– Много. – Лялечкин осторожно опустил сумку на пол,

осмотрелся и предложил: – Давайте я вам чаю сделаю. Сладкого.

– Сделай.

– Елена Петровна... она очень строгая, но справедливая. Правда, наши ее доводят.

– Целители?

Лялечкин кивнул.

Он щелкнул чайником, достал кружку, белую и с котиками, вида совершенно несерьезного. И чай насыпал крупный. Кипятка плеснул... Все же в технологических мирах была своя прелесть. А еще – сахар кубиками.

Елизар сунул два под язык. Слабость отступала.

Нехорошо вышло. Некрасиво. Елизар шмыгнул носом, сжал в кулаке салфетки с кровью и направил силу. Не хватало разбрасываться. Пепел он аккуратно стряхнул в мусорное ведро.

Меж тем Лялечкин подвинул кружку. И чай заварил крепкий. Толковый паренек. Хоть и художник.

– Что здесь вообще делают?

– Так-то считается, что здесь неплохо развита медицина. Практическая часть. – Лялечкин аккуратно примостился на краешек стула. – Есть много интересных направлений, сюда и старшие ходят практиковаться, и даже в ординатуру... это звание местных. Главное, что сам мир – условно безопасный, с низким уровнем внутренних конфликтов. – Это да. Это важно... – Но историческое прошлое бурное. Отсюда и

массовые захоронения. И эпидемии были. И даже некроочаги... Так в сопровождающей листовке писали.

Надо будет почитать на досуге. Листовку Елизару сунули вместе с прочей шелухой, в которой тоже стоило бы разобраться. И он бы разобрался, не будь так зол. И разберется.

Головная боль отступала, но слабость никуда не делась. Надо и вправду полежать.

– Целители... – уцепился Елизар за мысль. С целителями некроманты исторически не ладили. – Обижают?

По тому, как дернулся Лялечкин, понял – угадал.

– Мы пытаемся достичь... взаимопонимания, – выдавил парень. Потом обиженно добавил: – Я думал, что целители добрые!

Ага. Все так думают, кому не приходится общаться с ними на постоянной основе.

– Ладно. – Елизар допил чай, не обращая внимание на то, что тот толком не остыл. – Я и правда полежу. А ты иди готовься. Не хватало еще некроманту перед целителями опозориться...

– Я же не некромант!

– По документам значишься... – Елизар с трудом подавил зевок, слабость обычно сменилась сонливостью. – Значит, сделаем...

Мизигин выловил Елену у кафедры, а она уж понадеялась, что хотя бы один день обойдется без встречи с высоким на-

чалством. В жизни начальство было низким и пухлым, но все одно умудрялось смотреть на Елену сверху вниз, не скрывая своей неприязни.

Происходила она из близкой дружбы с Федюней. Ну и в целом...

– Елена Петровна, – а голос у Мизигина была гулким, басовитым, – зайдите на минуточку...

Спасительная дверь, за которой шумел третий курс, дожидаясь интереснейшей лекции по патанатомии, была рядом, но...

– У меня лекция.

– На минуточку. – Мизигин сдвинул брови. Ну да, а потом сам станет говорить, что она на лекции опаздывает. Сволочь. И Федюня тоже. Но о нем Елена себе думать запретила во избежание перегрузки нервной системы. – На вас жалуются! – Мизигин потряс бумажками. – Посмотрите!

– На что?

– На жалобы! Вы... вы позволяете себе быть нетактичной! Вы грубы. Постоянно придираетесь к студентам...

– Уж не к тем ли, которые считают, что блуждающий нерв постоянно меняет свое местоположение и потому так назван? Или к тем, кто искренне думает, что от перестановки ребер форма грудной клетки не изменится?

– Это мелочи...

– Ну да, наверное... Но мы врачей учим!

– Именно! Мы воспитываем будущих врачей! Мы долж-

ны прививать им уверенность в себе! Чувство собственного достоинства...

– А знания? – не удержалась Елена. – Знания мы прививать не должны?!

– Должны! Но почему-то у других получается прививать знания без этого вот! – Мизигин сунул пучок листочков под нос. – Они находят способы! Методы! Они заинтересовывают студентов! А вы...

– А я требую учиться.

Выживет. Он давно выживал, но раньше гадил как-то... тихо, исподволь. А как пост получил, так и развернулся. И сейчас вперился глазенками своими, сопит, краснеет...

Может, уволиться самой? Вот прямо сейчас, благо конец года. И практики полторы недели осталось...

А потом что? Ладно, раньше у нее запасы денежные имелись, но их сожрали переезд с ремонтом. И смена обстановки, хоть и частичная, – дача давно уже не использовалась для жизни.

– Первый курс, – выдавил сквозь зубы Мизигин, – спецгруппа...

– Поганцы. – Елена поморщилась. – И ощущение такое, что они вообще впервые про анатомию слышат.

– Это не имеет значения!

– А что имеет?

– Финансирование! Эта группа получает особое финансирование. По спецдоговору! – с придыханием произнес Ми-

зигин. – И мы обязаны обеспечить студентам лучшие условия, а вы... Я посмотрел журнал! Исключительно неудовлетворительные оценки.

– Есть и удовлетворительные.

– А должны быть отличные! Елена Петровна, за такие деньги, которые они платят, мы обязаны оправдать высочайшее доверие. И если... – Мизигин выдохнул, – если вы не войдете в положение... Если вы со своей глупой принципиальностью и дальше будете портить статистику, я вынужден буду поставить вопрос о служебном несоответствии!

Вот... скотина.

– Ставьте, – хмуро ответила Елена Петровна. – А я поставлю вопрос о комиссии. И найду кого на нее пригласить. И станет ясно, что мы студентам прививаем... Хотите?

Не зря ей Федюня снился. Определенно не зря.

Елизар заснул.

Давно с ним не случалось засыпать в малознакомых местах, а тут просто раз – и все. И главное, сны были спокойными, умиротворяющими. И потому голоса, которые эти сны прервали, сразу показались неприятными.

Он открыл глаза, осознавая себя. И то, что сила успокоилась. Да и в целом чувствовал себя очень неплохо. Голова слегка ныла, но не критично.

– ...Таким образом, мы видим что? – Елена была рядом, за стеной.

И сколько прошло времени?

– Труп? – ответили ей и загоготали.

– А помимо трупа, Афанасенко?

– Блюющего Лялечкина?

– Помнится, в первый раз и вы изволили явить всем свой глубокий внутренний мир...

Елизар сел. Склонил голову налево. И направо, убеждаясь, что боль сосредоточилась в затылке, да и та затухала. Огляделся. Хмыкнул, заметив, что ему оставили чай в кружке с котиками, пирожок и записку, из которой следовало, что завоза в столовой пока не было и пирожок – это все, что нашлось.

Хороший мальчик. Хоть с чем-то Елизару повезло.

– Прошу вас сосредоточиться...

Голоса звучали рядом, стало быть, занятия идут в морге.

Елизар подвинул к себе пирожок и, вздохнув, вцепился в коричневый его бок. Судя по твердости шкуры, пирожок был матерым, пережившим не один день в студенческой столовой, но... Елизару случалось есть и более странные вещи. А остывший чай он подогрел малым импульсом, вышло весьма даже...

– ...Таким образом, изменения окраса кожных покровов...

Елену снова перебил взрыв смеха. Доводят, значит...

Елизар проглотил остатки пирожка, торопливо запил чаем. Надо будет кружку помыть, а то совсем нехорошо...

И ботинки надел. Пригладил волосы, мысленно матюкнувшись. Вид у него сейчас не самый впечатляющий. Хотя...

Он приоткрыл дверь.

Морг. Стол. Тело на столе.

Вскрытие началось, только студентов, кажется, оно несколько не интересовало. Во всяком случае, рядом со столом застыл лишь бледный Лялечкин, который старался смотреть, борясь с приступами тошноты, но все же смотрел. В отличие от парочки девиц, склонившихся над светящимся экраном телефона, – к слову, надо будет купить, чтоб не отличаться от местных. Кто-то бродил по моргу, кто-то демонстративно скучал... зевал... Рыжий парень, пристроившись за спиной Елены, корчил рожи на радость однокурсникам. Потом и вообще неприличный жест показал, вызвав взрыв хохота. Елена разогнулась, оглянулась, но рыжий сделал вид, что всецело сосредоточен на процессе.

Вот поганцы! Интересно, куратор их в курсе происходящего? Вряд ли...

– Погожин, – Елена протянула скальпель рыжему, – возможно, вы сами продолжите?

– Почему бы и нет, Елена Петровна... – Скальпель тот принял с ухмылочкой, покрутил в руках и подошел к столу, чтобы потыкать в тело. – Только смысл-то... пациент уже того...

Морда лица, главное, знакомая донельзя.

Ну конечно... Погожины. Что ж, с Погожиным Елизар

был знаком, пусть и не близко, но достаточно, чтобы порадовать старика.

Интересно, этот рыжий ему внук или правнук?

Главное, склонился над трупом, занес руку со скальпелем, выпустив силу... Ну да, к чему железки истинному целителю. Правда...

Елизар щелкнул пальцами, создавая облачко тьмы, а потом подтолкнул его к ногам мальчишки. Сил ушло многовато, все же в безмагических мирах сопротивление среды совсем иное, но... Тьма коснулась ног и поднялась выше, впитываясь в кожу. И собственная сила парня поспешила за ней, нейтрализуя. А мальчишка потерял контроль, и сила, накопленная на острие скальпеля, откатом ударила в руку.

– Ай! – Мальчишка разжал пальцы и уронил скальпель.

Елена нахмурилась, но молча подняла.

– Кто желает продолжить? – поинтересовалась.

Тишина.

Девушки продолжают разглядывать телефоны, кажется, они вовсе не заметили, что что-то случилось. Остальные... кто-то отвернулся, делая вид, что обращаются не к нему. Кто-то перешептывается, хихикает. Только Лялечкин все еще бледен.

Но Елизара почуял. Обернулся и, голову задрвав, спросил:

– А можно я... п-попробую.

– Лялечкин осмелел! – заржал кто-то.

– Попробуйте, – Елена отложила грязный скальпель и от-

ступила, – прошу. Но если почувствуете, что вам становится дурно, говорите.

– А ему всегда дурно...

Интересно, кто и когда решил, что целители – добрые? Маги света, созидания... Группа ответила согласным хохотом. Впрочем, Лялечкин только губу закусил и решительно шагнул к мертвецу.

Впрочем, Елена и не думала улыбаться, лишь ободряюще кивнула.

– Не спешите. И проговаривайте действия вслух. Итак, основной разрез сделан. Дальше что?

Лялечкин покосился на Елизара, вздохнул, как почудилось, обреченно и произнес:

– Д-дальше... л-лоскутами... сепарируется кожа, подкожная клетчатка и мышечный слой. – Парень вцепился в скальпель. – П-поперечными разрезами рассекаются прямые мышцы живота...

Острие коснулось мертвой плоти, и Лялечкин осторожно надавил. Ну да, откуда ему знать, что мертвое тело довольно-таки плотное.

– Чуть сильнее, – спокойно произнесла Елена, и Лялечкин кивнул.

Пожалуй, у него бы и получилось, но именно в момент высочайшей сосредоточенности горе-некроманта на деле Погожин оказался позади него, а с другой стороны – погожинский приятель.

Короткий обмен взглядами и... силовая подсечка.

Лялечкин вряд ли понял, что произошло и какая сила ударила его по ногам, заставив колени подогнуться. Скальпель воткнулся в труп, а бедолага, начавший было заваливаться набок, упал, но не на пол, а прямо на мертвеца.

Воздушный кулак помог скорректировать траекторию.

Лялечкин взвыл, вскочил и... Похоже, по ногам досталось не только петлей, если эти ноги его не слушались. Нелепо взмахнув руками, он грохнулся на пол, сбив с тележки инструменты.

Группа захохотала.

– Ди, ты сняла?

– А то...

– Лялечкин у нас такой впечатлительный, Елена Петровна! Вам ли не знать... Кажется, ему совсем-совсем не стать медиком...

– Как и тебе, Погожин. – Елизар выступил из тени, за завесой которой скрывался.

– Ой, – тихо вякнула блондинистая девица, пряча за спину кирпичик телефона.

Кто-то выразился куда более определенно.

– Вижу, мне здесь рады. – Елизар хмуро осмотрелся. Елена помогала подняться Лялечкину, который все так же мелко дрожал и был бледен, но хоть без обморока обошлось. – А еще вижу, что вы тут окончательно страх потеряли. – Он упер взгляд в Погожина, который несколько подрастерял бо-

своей дух, но...

– У нас занятие!

– Видел.

– И не по вашему профилю, мастер. – Мелкий засранец умудрился даже поклон изобразить. – Вам скорее о вашем студенте побеспокоиться надо. А мы, целители, как-то сами... разберемся.

– Конечно разберетесь! – Елизар широко улыбнулся, отчего девица выронила телефон.

Можно было бы пустить волну силы. Техника к некромантам относилась еще более предвзято, чем люди, но... Одно дело испортить то, что принадлежало этим недоучкам, и совсем другое – имущество Елены. Или рабочее. Елизар весьма сомневался, что в этом мире к материальным ценностям относятся с меньшим трепетом, чем в его собственном. А отправлять добрую женщину к местному завхозу... нет, не дело.

– Куратор кто?

– А вам какое дело? Мы вообще не обязаны отвечать...

– Мне – не обязаны. Впрочем, думаю, я найду, кому вы ответите. – Елизар позволил себе соткать из тьмы посланника, мелкого, но способного вместить пару минут мыслезаписи. А потом влил в него сил, отправив по адресу. – Вашему деду, Погожин, будет весьма интересно посмотреть на то, как проходят занятия. Помнится, он как-то упомянул, что в последнее время творится нечто непонятное. Отметки студен-

тов становятся все выше, а уровень подготовки падает...

– Я... – голос Погожина чуть дрогнул, но самомнение, а еще взгляды одноклассников не позволили отступить, – я буду жаловаться!

А зря...

Некроманты к жалобам привыкают быстро. На году этак десятом работы и вовсе перестают обращать на них внимание.

Поэтому Елизар лишь кивнул.

В столовой было как обычнолюдно, шумно и пахло квашеной капустой. Впрочем, волновало не это, а то, что окно в расписании не бесконечное, как и количество булочек у кассы. Почему-то их всегда привозили мало, хотя, казалось бы, раскупают – делайте больше.

– Я займу очередь? – робко поинтересовался Лялечкин, на подносе которого нашлось место стакану с кефиром и паре кусков батона.

– А обед? – Елена нахмурилась.

– Я не голоден, – соврал мальчишка, старательно отворачиваясь от раздачи.

– Суп бери, – Елизар тоже нахмурился, – какой тут съедобен?

– Борщ неплох. – Елена сглотнула слюну и подумала, что теперь о ней слухи пойдут, а Погожин точно побежит жаловаться. И значит, на заседании кафедры тему поднимут... и

о служебном соответствии в том числе. – Еще пюре советую.
С печенкой жареной.

– Бери. И я возьму. Иди сюда, недоразумение...

– Я...

– Деньги у меня есть. Выдали. – Елизар выгреб из кармана ком мятых бумажек и спросил: – На обед этого хватит?

Станный он... Но странно и то, что рядом с ним Елена ощущала спокойствие и давно позабытое уже умиротворение. И опять же моргом он пах... приятно.

– Хватит. – Она вытянула тысячную купюру. – Это довольно много. И лучше убрать, пока не потеряли.

– Я как-то больше к золоту привык, – доверительно произнес Елизар. – Так, Гордей, иди и набирай, что сказали.

– И салат! – добавила Елена. – Детям нужно употреблять овощи.

– И салат.

Спорить Лялечкин не осмелился. Поставил и тарелку с борщом, и пюре, и салат.

– Как понимаю, у него в группе сложности? – Елизар наблюдал за племянником.

– Не знала. Хотя да, он обычно в стороне держится. Тихий, внимательный. Но...

– Обмороки?

– И это тоже. Скорее уж ощущение, что он все это впервые видит... Точнее, анатомию он в целом знает неплохо, но это как бы не медицинское знание, отвлеченное какое-то. –

Елена смутилась от своей неспособности внятно сформулировать мысль. – С другой стороны, он хотя бы хочет учиться.

– А остальные?

– Остальные в лучшем случае являются на занятия и не мешают. Сложная группа, – она поморщилась, – в этом году какая-то... особенно. Погожина вы видели.

Ел Елизар жадно, но аккуратно. И на Лялечкина, устроившегося за соседним столом, поглядывал, будто контролируя, ест ли тот.

– Вы и вправду знакомы с его родственниками?

– Знаком.

– А то... – Елена не была уверена, что имеет право задавать такие вопросы, – темненькое облачко... Это что было?

– Магия.

Издевается? Не похоже...

С другой стороны, и вправду какая разница, что это было, если до конца пары Погожин заткнулся и вел себя почти прилично. Одно это заслуживало благодарности.

– Скажите... – Елизар протянул булочку, и Елена только сейчас заметила, что свою съела с борщом. – С моей стороны это, конечно, наглость, но...

Булочка лежала на салфетке. Круглая. Румяная. С кунжутными зернышками на корочке, черными и белыми.

– Спасибо. – Елена все же решилась, потому что на раздаче булочек не осталось вовсе, а она ведь к чаю ее оставить хотела.

– Не за что. Но... как вы себя чувствуете?

– Неплохо.

– Слабость? Головокружение? Неконтролируемые приступы страха?

– Студенты меня, конечно, выводят, но не до такой степени. – Елена улыбнулась. – На самом деле часто это просто дурь. Возрастная. Потом, со временем, они успокаиваются. И начинают ценить. Со старшими курсами вообще приятно работать. Остаются большей частью умные ребята... Раньше во всяком случае. – Она отщипнула кусочек булочки.

– Раньше?

– Сейчас стало сложнее... Требуют успеваемость поднимать.

– От вас?

– Ну да. От меня. И обеспечивать психологический комфорт. – Елизар издал непонятный звук. – Заинтересовывать... без заинтересованности в учебе результата не будет. Хотя... Как можно заинтересовать и заставить учиться человека, который того не желает? Тот же Погожин, он ведь на самом деле толковый. Умен, начитан. Но решил, что мои предметы ему не нужны...

Получалось, будто она жалуется.

Федюня постоянно говорил, что проблема Елены в ее привычке на все жаловаться. А она не жаловалась. Просто рассказывала.

– В общем, сложно. – Елена решила закрыть неприятную

тему. – Вы дальше куда?

– Пройдусь. По городу. Телефон куплю и так, по мелочи...

Вы во сколько заканчиваете?

– Как повезет. Думаю, часам к восьми должна.

Последняя электричка идет в четверть одиннадцатого.

– Это много. – А что делать женщине, которая остро нуждается в деньгах? Работать на полторы ставки, радуясь, что эти полторы в принципе наскреблись. – Я вас встречу, – сказал Елизар не терпящим возражений тоном.

– Не стоит...

– Стоит. Негоже вам одной ночью через лес идти. Тем паче у вас там маньяк завелся.

О маньяке Елена думала в последнюю очередь. Да что там, мыслей о маньяке в голове не осталось, потому как Погожин-таки пожаловался. И как-то так все вывернул, что получилось, будто она, Елена, издевается над юными будущими врачами, привлекая к издевательствам посторонних...

Мизигин орал. И голос его, срываясь на высоких нотах, заполнял кабинет. И бил по ушам, по нервам... Бил, бил.

– Да иди ты на хрен, – вырвалось у Елены.

– Что?! – Мизигин даже осекся.

– На хрен, говорю, иди... – Елена вдруг осознала, что это конец. Денег нет? Как-нибудь... Репетиторствовать начнет. Готовить школьников к тестам или к чему там их ныне готовят. Подтягивать по биологии. Химию она тоже знает непло-

хо. – Достал...

– Это... это недопустимо! – с плохо скрытой радостью произнес Мизигин. – Вы... вы уволены!

– Да я сама уволюсь.

– По статье!

– А в суд? – В профсоюз обращаться бессмысленно, а в суд – дело другое. – Напишу жалобу на грубое отношение руководства, создание невыносимых условий. Нарушение техники безопасности... Да много чего смогу рассказать. – Елена выдержала взгляд. – Скажем, про закупки... почему ты перчаточки брал? А через кого – скальпели?

– Доказательств нет!

Были бы, Елена бы не так разговаривала.

– Думаю, проверка, если начнется, найдет...

– Ты... ты чудовище! Не зря Федя меня предупреждал!

– По соглашению сторон, – отрезала Елена.

– С завтрашнего дня! – Мизигин даже губу выпятил. – Дела передашь... – И задумался, а Елена с удовольствием смотрела, как меняется выражение лица.

Ну да, кому дела передавать, когда на кафедре все и без того загружены. И никто-то не горит желанием с моргом связываться.

– Разберемся! – отступить Мизигин не собирался. – Иди. Свободна.

– Без тебя знаю... А Федюне передай, что дерьмо к дерьму тянется.

Вот... все же не умела она молчать. А ведь будь иной, глядишь, и не стали бы выдавливать. И вообще...

Елена ничуть не удивилась, увидев за дверью Лялечкина. Тот прислонился к стене, сделав вид, что просто себе дремлет. И вообще, случайно тут оказался.

Правда, стоило Елене появиться, глаза открыл и спросил:

– Домой, да?

– Я – да. Ты – не знаю.

– Меня дядя просил за вами присмотреть, – сказал он доверчиво. – И помочь.

– Вещи донести?

А мысль-то неплохая. С Мизигина станется замки поменять или пропуск аннулировать. Оно, конечно, запасной выход есть, но...

К завтрашнему утру ее вещи могут оказаться совсем не там, где она их оставила.

– Идем, – решила Елена. – Только если опоздаем на электричку...

На такси до товарищества у нее не останется.

– Дядя денег оставил. – Лялечкин широко улыбнулся.

Какой хороший у него дядя...

Странно, но вещей осталось не так много. Тетради... тетради Елена сложила высокой стопочкой, прикрепив сверху лист. И даже обрадовалась, что теперь не придется проверять эту стопку. Вторая – с альбомами. Третья... бумаги из ящиков стола она просто вытряхивала в мусорный пакет. В обыч-

ный, из «Магнита», отправились карандаши, дырокол, купленный, поскольку пользоваться кафедральным было невозможно. Ручки, резинки и прочая мелочь – в сумку. Пара кружек. Пачка с чаем.

И в морг. Там было тихо и безлюдно.

И Лялечкин, верным рыцарем следовавший по пятнам, вздрогнул.

– Ты как? – запоздало поинтересовалась Елена. – Если тяжело...

– Нет, все хорошо. Я не трус. Знаете, я даже кое-что понял.

– Что?

Любимая кружка с котиками, подаренная Катюхой... Кстати, надо позвонить, она вроде упоминала, что в их больничке панатом на пенсию собирается...

– Человеческое тело изнутри не менее красиво, чем снаружи. Я сегодня взглянул на сердце другими глазами. Оно ведь совершенно!

Елена посмотрела на мальчика. Не бредит. Скорее уж защитная реакция.

– А кости?! Скелет... та же грудная клетка по изяществу линий может поспорить с Аникейским храмом всех богов...

– Что за?.. Елена не слышала. Хотя... она в целом весьма далека от современной культуры.

– Смерть же и ее близость заставляют осознать, сколь хрупко бытие... – продолжал Лялечкин. Все же крепко ему

досталось. – И я почти понял, что напишу!

– Где напишешь?

– На отчетном полотне. Мне ведь нужно будет отчет на две кафедры предоставить. И дядя сказал, что со своей поможет, но на основную... – Он вздохнул, помрачнел и добавил: – Еще эти холсты испортили... Давайте сюда.

Пакет, куда помимо кружки добавилась пара кофт, запасные колготы с носками и в целом мелочи, которыми как-то незаметно зарастаешь на рабочем месте, сделался тяжел. И инструменты. Свои Елена держала отдельно. И сейчас, раскрыв кейс, улыбнулась.

Спасибо, папа...

Их она Мизигину не оставит.

Он, кстати, тоже объявился и собирался возмутиться. По лицу было видно, что собирался. И что пришел в морг не просто так. Но, встретившись взглядом, возмущение свое попридержал.

– Это мое, – сказала Елена, поднимая кейс. – Или спорить будешь?

– Вот... поганый у тебя характер! Поганый... И Федя поэтому тебя бросил...

– А я думала, потому что со студенткой закрутил роман. С той, за которой папа-миллионер стоит... В общем, Мизигин, куда тебе идти, я сказала.

И он убрался. Только крикнул в спину:

– Пропуск на вахте сдай!

– А документы?

– Там и подпишешь. И вообще... рекомендаций я тебе не дам.

Елена подняла руку и показала Мизигину то, что показывала во сне Федюне, ощутив при том огромное душевное облегчение. Можно сказать, даже подъем.

Метка хлызня никуда не исчезла. Стало быть, и сама тварь вполне жива. Жаль... или нет? Если бы хлызень подох – а с нежитью подобное случалось не так и редко, особенно в технологических мерах, – причина оставаться в этом мире исчезла бы. Формальная.

Елизар ощутил легкую вибрацию, а затем и услышал приближение электрички.

Поздно.

Вон, темень вокруг. И дорога эта через лес идущая. И фонари в поселке горят через один на радость хлызню, благо иной нежити здесь нет. Но все одно не порядок.

Первым на перрон выбрался Лялечкин с парой огромных пакетов и рюкзаком, а за ним и Елена с другим пакетом, который Елизар и забрал.

– Я сам, – Лялечкин покачал головой, – там... там вещи.

– В общежитие мы тоже заглянули. – Елена отбросила со лба прядку волос. – Раз уж ваш племянник живет здесь, то и вещи его забрать надо.

– Его?

– И мои. Все равно на восемь часов опоздали, а вот до последней зазор оставался. Потом еще в магазин за продуктами...

Сумка была увесистой. Правда, сама Елена несла еще две – одну утрешнюю, чуть сдувшуюся, и небольшой чемоданчик.

– А Елена Петровна больше не преподает, – сказал Лялечкин, поправляя рюкзак.

– Уволили... Точнее, уволилась по соглашению сторон.

Это из-за Елизара?

– Погожин нажаловался?

Если так, то беседой со старшим дело не ограничится. А поганец до этой беседы рискует просто не дожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.